

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Константина ВАНШЕНКИНА

● «...считаю Вас БЕЗУСЛОВНО самым талантливым из Ваших лит. сверстников» (А. Твардовский).

● «...В жизни обыденной этой вижу Поэзию я».

● Тема гражданской ответственности перед памятью павших — лейтмотив творчества поэта.

Таял день, Пал Берлин.
И не мог
Дозвониться до Жукова
Сталин.

Мне кажется, что это стихотворение (я позволил себе опустить лишь четыре первые, на мой взгляд, выбивающиеся «из стили» строки) вправе встать в ряд лучших поэтических произведений о Великой Отечественной.

Так что же, Константин Ваншенкин, почти не пишущий поэм, — эпик? В каких-то своих стихах — да. Но в целом — от внезапно увиденного штриха, резкой детали: «Старуха идет через поле в чиненом своем пальто с гримасой — не горя, не боли, а жизни на блеклом лице».

«С гримасой жизни»? Выразительный этот штрих больно отзовется в нашем сердце и заставит задуматься о многом в судьбе идущей куда-то женщины. Книга «Поздние яблоки» состоит в основном из коротких стихов — восьмистиший. Традиция, больше свойственная восточной поэзии, где выработаны особые жанры — рубаи, восьмистишия, надписи, газели и т. п., в которых форма как бы диктует и содержание. Твардовский, по словам К. Ваншенкина, не любил коротких стихов. Сейчас К. Ваншенкин пишет много таких коротких стихов. Они напоминают моментальные фотографии, сделанные со «вспышкой».

Но фотографии эти — художественные. Вскрик, вздох в них как бы зажат внутренним усилием души. Как ладонью. Сдержанность, стремление удержать этот вздох, не выдать себя, а лишь дать знать о нем жестом, выражением лица («гримасой жизни») — вот их особенность и свойство лирики Ваншенкина вообще.

Он не пишет мягких, акварельных этюдов — «гримасы жизни» ведь никак не вяжутся с ними. У него скорее графические эстампы, черно-белые фотографии, гравюры. Он работает не маслом, но грифелем, резцом на линолеуме. Впрочем, призыв Н. Заболоцкого «Любите живопись, поэты!» тоже внятн Ваншенкину.

Неизвестный художник
давнишнего века —
Может, был он известен,
но в узком кругу —
Написал на холстине
портрет человека
Так, что глаз от него
оторвать не могу...

Я стою, пораженный
искусством чудесным,
Чей в веках сохранился
отчетливый след.
Я бы только мечтал
стать таким Неизвестным
Где-нибудь через
триста—четыреста лет.

Вижу это лицо — губы,
снятые плотно,
Утомленный и все
понимающий
взгляд...
Пусть живут мастера
Неизвестных полотен,
Как светильники
в честь Неизвестных
солдат.

Стихотворение это демонстрирует пример бескорыстного и, к сожалению, во многом утраченного отношения к творчеству, искусству. Художник должен раствориться в своем произведении и остаться жить только в нем — вот девиз и смысл подлинного искусства. Искусства, приравненного к подвигу солдата, который тоже заботился не о славе, а лишь о жизни людей на земле. Вот и уравнивались они в благодарной человеческой памяти — Неизвестный художник и Неизвестный солдат...

Павел УЛЬЯШОВ

«...С КЕМ ПРОШЕЛ ПО ВОЙНЕ И СУДЬБЕ»

ОН НАЧИНАЛ со стихов о войне. В семнадцать лет пришел в армию. Спустя несколько месяцев, не успев закончить воздушно-десантное училище, уже участвовал в боях. «В моей литературной судьбе война сыграла решающую роль. Я не раз думал об этом и пришел к выводу, что, возможно, и не стал бы писателем, если бы не война и мое в ней участие». Заявленное мужественное и откровенное.

Однако до поры до времени война была фантом биографии Константина Ваншенкина, но не творческой судьбой. «...Потребность выразить свою жизнь, время, судьбу я почувствовал и осознал значительно позже, — признается поэт. — Два десятилетия оказались именно той дистанцией во времени, на которую нужно было отойти от войны... мы с новой силой ощутили прежнюю боль...»

Первые стихи Ваншенкина часто затянuty, прозаичны — это как бы зарифмованные истории, рассказы о событиях военных или послевоенных лет. Я думаю, что если бы сегодняшней К. Ваншенкин рассказывал о том, как «деревья валил для блиндажных накатов» или как, уже после войны, в институте «столкнулся взглядом с веселой однокурницей одной...», он затратил бы на это соответственно не 28 и 84 строки, а восемь—двадцать. Правда, и в порою излишне пространных стихах того времени есть точность деталей, выразительность образов, афористичность — черты, которые станут определяющими для творческой манеры К. Ваншенкина: «Обнюхивая краешки пробоин, гуляют по фанере муравьи...»; «Он рвался, теплый маленький комочек, настойчиво и вместе с тем печально, и я боялся лечь на левый бок, чтобы не придать ему случайно...» («Сердце»).

И все же на многих стихах Константина Ваншенкина той поры лежит отпечаток обязательного присутствия строгих старшин, изучения воинского устава, строевой подготовки и т. д. Должны были зазвучать мотивы, в которых бы нашли отражение думы и чувства не только личного состава отделения, взводов, рот, а всех людей страны. Из «армейских» стихи должны были не то чтобы «демобилизоваться», превратиться в штатские, но им предстояло обрести ту нить, которая бы соединила их с опытом и судьбой всего народа. Этой нитью оказалась тема народной Памяти, питающая и поныне значительную часть нашей не только поэзии, а и прозы.

И возникает мотив, рождается цикл «Разве мы забудем?». Сначала как осознание отдаленности события, значительности собственного прожитого с той поры пути: «Вот уже пробилась седина, вот уже большими стали дети. Кажется, давно ль была война, а как много прожито на свете». Потом — как осознание судьбы поколения: «Но навсегда нам памятью дано их видеть сквозь разрывы, в отдаленье. Мои друзья, которых нет давно, они и нынче — наше поколение». И, наконец, как обещание, как признание вечного долга перед памятью павших: «...С вами связанный службой срочной, с кем прошел по войне и судьбе, я о вас говорю каждой строчкой, там, где я говорю о себе». И еще, как клятва, как закливание: «Помним, помним, помним, как помним, в этом наша суть, — по лесам, болотам, поймам простирающийся путь».

Здесь самое время сказать о том, что Ваншенкин, о чем бы он ни писал — о войне, мирной жизни, любви и дружбе, опирается прежде всего на свой собственный житейский опыт. Он не признает так называемого лирического героя. Его творческое кредо и программа: «Важно быть участником событий!» И еще: «Нужно в жизни испытывать многое...». Отсюда и пристрастие к повседневному реализму: «...В жизни обыденной этой вижу Поэзию я». Как и поэзия его главного учителя — А. Твардовского, стих К. Ваншенкина полностью лишен книжности, каких бы то ни было литературных реминисценций.

В точном соответствии с твердо заявленной заангажированностью бытовой стороной жизни находятся и избирательные средства поэта, его приверженность прозаической, обиходной детали. Да, мир в его представлении обычно лишен романтических красок. Даже там, где почти любой поэт не избежал бы «поэтичных» сравнений, снахем, при описании моря, Ваншенкин довольствуется обыденным, привычным, но точным, по его мнению, образом: «волна бутылочного оттенка». Лишь иногда, очень редко, как в стихотворении «В разлуке» при описании сирени, он обращается к гиперболическим метафорам: «Неистовствам, мучаясь, бушует, из-за заборов ломится сирень». Но тут же поэт, словно устыдившись такой необузданности чувств, прибегает к самой что ни на есть бытовой детали: «...Сирень, кипая, прольется на дорожку, как через край настроили

молоко. И все заполнит чадом лиловатым...» Он боится показаться «красивым», даже чересчур боится. Но чувство линует — весна! — и душа, как и сирень, тоже рвется на встречу любви, расцвету. И поэт не в силах сдержать этот напор, стесняясь и тушуясь, объясняет нам: «Нет! Я не то сравнение нашел, — она с громовым яростным раскатом хлестнет, как в бурю волны через мол». Эта противоречивость чувств, борющихся в душе автора, красноречиво выплескивается в финальных строчках: «Хрустит сирень, тоскует и теснится, — и тоже тесно сердцу моему, — сопротивляясь, медленно кренится и тонет мир в сиреневом дыму...»

«Сопротивляясь...» «кренится... мир» и тонет в сиреневом дыму...» «Ах, все же не устоял, выразился красиво! Но такое у Ваншенкина — редность, исключение.

А. Твардовский как-то говорил о себе, что он — прозаик в поэзии. Фразу эту, разумеется, надо понимать условно. А. Твардовский создал свою, особую поэтику. И все же, наверно, в его словах скрывался определенный смысл. По-видимому, есть поэты-прозаики, своего рода мастеровые, рабочие, с пристрастным вниманием к реалиям жизни, как, например, Некрасов, Твардовский, и есть поэты-пророки, провидцы, с неким даром «надмирности», устремленностью в будущее, как Пушкин, Лермонтов, Блок. Константин Ваншенкин относится к первому роду (разумеется, я здесь никого не сравниваю и не возвышаю одного за счет других — речь идет лишь об отличиях). Правильность этого наблюдения, мне кажется, можно подтвердить на примере стихотворения К. Ваншенкина «Соловьи». В поэзии соловей традиционно изображается как певец любви, «Робкое дыханье...», «трепи соловья...» — и т. д. Ваншенкин предложил свой взгляд на соловья, не как на беззаботного счастливого певца, а как на труженика, который поет лишь весной, а позже растит пенцов, когда «уже не до песен»: «Соловьиная доля трудна. Мы ж забыли про это терпенье, — помним трели, да ночи без сна, да черемухи белой кипень».

Правда в искусстве, а именно она важнее всего для Ваншенкина, немислима без чувства меры. Он за чувство меры во всем — в рифме, метафоре, ритмике. В этом поэт непоколебим. Он не позволит себе чересчур восхититься, увлеченно ошибиться в чем-то. Он поразительно ровен.

Смысл, естественность стиха, пожалуй, для него стоят на первом плане. Это слово «естественность» он неоднократно подчеркивает в своих заметках о поэзии, да и в стихах тоже: «Я ценю свой прочный дом, ясность мудрую в народе и естественность во всем...». Броскость образа, строки для него не главное, хотя он умеет и это: «Он поглядывал кругом, он колот легко, без спешки и отпихивал полешки элегантно сапогом».

От его стихов такое впечатление, как будто автор ведет кладку, кирпичик по кирпичику возводя здание. Это не стихийный всплеск, не эмоциональный азрыс, а добротное строительство. Он не похож на музыканта-дирижера, неистово размахивающего палочкой, или на скульптора, в порыве вдохновения нервно комкающего глину, он скорее сродни каменщику в заляпанном раствором фартушке и с мастерком, деловито отстраивающему свой дом.

Что ж, приемы работы у каждого свои. К. Ваншенкину ближе традиционная кладка. Тютчев, Твардовский, Исаковский, Ахматова, Пастернак, Заболоцкий — вот его главные пристрастия, мастера, у которых он учится. Он прилеплет многих, но любит этих поэтов. И в особенности Твардовского, «Василий Теркин» которого еще на войне произвел на него «сильнейшее впечатление правды». Слившись потом с личными испытаниями семнадцатилетнего юноши, оскундавшегося в ад войны, те попавшие ему на передовой главы «Книги про бойца» и произвели то потрясение, которое осталось на всю жизнь, перейдя затем в главную привязан-

ность. Ведь то, с чем человек жил, страдал, воевал, остается навсегда.

Отдаваясь, те страшные картины не тускнеют, но, уплотняясь в памяти, сливаются в некий единый образ:

В земле солдат
намного больше,
Чем на земле.

Перед Москвой,
над Волгой, в Польше,
В крошечной мгле,
Легат дивизии лихие
И корпуса.

А сверху дали голубые
И небеса.

Конкретный воин, соединив в себе черты своих павших друзей, вырастает в символ. Одна судьба, разделившая с другими тяжесть всеобщей беды, становится воплощением судьбы поколения.

Здравствуй, женщина!
Кто ты и что ты?...
Побледнела от давней
обиды:

— Я мечтала быть
верной женой,
Но мои женихи перебиты,
Рано отняты страшной
войной.

Мне детей не готовить
в дорогу,
Одиной, не нянчить
анучат.

Я старею уже понемногу.
А в ушах моих
залпы звучат.

Оба стихотворения потрясут своей эпичностью, обобщенностью, высотой трагизма. Здесь отсутствует та дробность, приверженность деталям, которые всегда отличают Ваншенкина и, делая его стих точным, достоверным, порой все же мельчат его. Эти стихи ближе нашему времени — 70—80-м годам с их тягой к обобщенности, философичности, хотя они и написаны двадцать лет назад. Они — от хрестоматийного «Его зарыли в шар земной...». Правда, на такой высокой эпической ноте поэзия долго существовать не может. Перед нами обобщенный образ поколений павших бойцов и тех женщин, что остались без мужей, без женихов. Поэзия же весьма чувствительна к индивидуальному опыту, к личности, отдельно взятой судьбе, сокровенному, интимному. Но такие, эпические, стихи — они как памятники у дорог, среди полей, парков. Они как точки отсчета. В них изначально уже есть что-то антологическое.

И еще одно стихотворение — «Сон победителей» из новой, только что вышедшей книги Константина Ваншенкина «Поздние яблоки».

Это множество спящих
мужчин
На ступенях подъездов
и в травах,
За баранками
пыльных машин,
На остывшей броне
и на траках.

Им не верилось в это
самим.
И среди обожженного луга
Командир с ординарцем
своим
Головами касались
друг друга.

Гул войны их поноя лишал
года...
Все четыре немислимых

Мертвый немец,
как спящий, лежал
В двух шагах от уснувшего
взвода.

Спали все. И прозрачный
дымок
Их дыханья вставал
меж развалин,